

Промышленник

Жила-была старушка. У ней сын. Этот сын женатый, промышленник, каждый день ездит, промышляет. Эту (свою) бабу и послал: «Там мясо, говорит, есть. То поди да принеси!» — говорит. Пошла эта баба. Пошла, принесла мясо. «Чаго, говорить, долго ходила?». — «Искала», — говорит. Опеть уехал промышлять. Опеть домой приехал. Бабу и послал. «Поди, говорит, опеть мясо принеси!». Баба долго ходила. Вдруг трое (мужики) бегут к (бабе), ей говорят: «С нами пойдём!». Она и говорит: «Не ходите, говорит, вы эта близко лежите, говорит. Ужо я завтра буду!». Пришли. «Чаго, говорит (муж), долго ходила?». — «Нет, говорит, не могла найти: все-то искала».

Опеть уехал промышлять. Опеть домой приехал. Бабу послал: «Поди, говорит, опеть мяса принеси!». Баба говорит: «Не пойду, не найди, вместе пойдём!». Ну пошли. Мужу говорит: «Муж, говорит, станем играть!». — «Как?» — говорит и пошел (с ней); полно лепетать. «Я осердюсь», — баба-то говорит. Муж-то говорит: «Как?». Боится: баба-то осердится. Она мужу-то ноги-те, руки-те связал, говорит: «Рви!». Он стал рвать, не может сорвать. Она, баба-то, закричала: «Трое, говорит, бегите!». Трое прибежали, давай его стрелять из лука, стреляли да стреляли, стреляли да стреляли, беда долго стреляли, всё-то не могут попасть: лежащий обертывается. Один человек серебряну стрелу выдернул да и стрелял: по самому сердцу попал, убил. Увезли бабу сабе-ка.

Вдруг эта старушка ждала, ждала парня: ниту парня, все-то ниту. Она ждет, пошла эта старушка. Эта старушка пошла, пришла, парень где лежит, поволокла. Волокла-да, волокла-да, приволокла. Огонек затопила, на скамеечку положила парня-то (мертвóй), давай раны-то шаркать. Шаркат рукой, шаркала, шаркала, парень кабыть стал.

Парень говорит: «Я, говорит, поеду бабу искать!». — «Полно, говорит, рана еще сырая!». Опеть у матери спросился: «Я, говорит, поеду бабу искать». — «Ну, бог с тобой, говорит». Пояхал. Ехал да яхал, видит: юрта стоит юкагирская. Этой юрте приехал, дирку и смотрит: тут его баба сидит с этима людьми. Вдруг закричал: «Нягарча ваша пришла! Доубивайте: ваш олень раненой ушел, не могли убить!». Вдруг выскочили все нагие. «Вы трое, говорит, стрельте меня по стреле, и я, говорит, вас тромя стрелами

троих стрелю!». Первой стрелил — мимо. Другой стрелил — мимо. Его-то стрелили — он обертывается. Третий стрелил — мимо. Он стрелил одного — убил, другого стрелил — опять убил: эдакой стрелок. Третьего стрелил — третьего убил. Бабу взял, за олений хвост связал косами-те (у бабы косы живут ведь как!), поволок, поехал — баба волокотся. «Станемь, говорит, бегать? Меня станешь убивать?». Приехал старухе-матери: «Чаго, говорит, мужа-то убила-да, хорошо?». Эта старуха-та говорит бабе сыновей-то. Она молчит. «Невестка! Пойдем играть!» — говорит. Пошли, шли да шли, долго шли. Она ей и говорит: «Ляг!». Титьки-то отрезала... «Чаго, говорит, сладко?». — «Долхан, долхан!». — «Это, говорит, сладко-сладко!». Умерла.

Старуха пришла. Жили-были, поживали да теперя живут. Только.

(Записано И. А. Худяковым в Верхоянском округе от уроженца с. Русское Устье)

Великорусские сказки в записях И. А. Худякова. Издательство "Наука". Москва-Ленинград, 1964.